

Семашко Анна Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского и уголовного
права и процесса
Российского государственного социального
университета (филиал в г. Клин)

**СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ГРАЖДАНСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В КОНТЕКСТЕ
ПРАВОВЫХ РЕФОРМ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ [1]**

Аннотация:

В статье рассматриваются основные тенденции недавно принятых и планируемых к принятию изменений в гражданское законодательство Российской Федерации в контексте принятой Концепции развития гражданского законодательства и правовой реформы в целом, а также приводится обзор теоретических подходов к определению понятия «правовая реформа».

Ключевые слова:

правовая реформа, реформа гражданского законодательства, рецепция, гражданский кодекс, концепция развития законодательства.

Semashko Anna Gennadyevna

PhD in Law,
Assistant Professor, Head of the Civil
and Criminal Law and Procedure Subdepartment,
Russian State Social University
(branch in the city of Klin)

**RECENT CHANGES
IN THE CIVIL LEGISLATION
IN THE CONTEXT OF THE LEGAL
REFORM IN THE RUSSIAN
FEDERATION [1]**

Summary:

The article considers the main tendencies of the recent and scheduled changes in the civil legislation of the Russian Federation in the context of the adopted Conception of the civil legislation development and the legal reform in general. The author reviews the theoretical approaches to the definition of legal reform notion.

Keywords:

legal reform, civil legislation reform, reception, civil code, conception of legislation development.

Целью проведенного исследования является рассмотрение проблемы изменений гражданского законодательства в контексте длящейся на протяжении уже долгого времени в России правовой реформы, а также анализ основных тенденций данного процесса.

Начавшаяся в начале 90-х гг. XX в. в России масштабная правовая реформа продолжается до настоящего времени, и сроки ее завершения на данный момент неизвестны.

Несмотря на кажущуюся очевидность содержания понятия «правовая реформа», в юридической науке и практике существует несколько различных подходов к определению данного термина.

Существует точка зрения, согласно которой ставится знак равенства между судебной и правовой реформами. Содержанием судебной реформы является совершенствование системы отправления правосудия, которое включает в себя в том числе реформирование системы судов, органов прокуратуры, следствия, исполнительного производства, адвокатуры. Однако совершенствование системы отправления правосудия без коренного изменения правового сознания общества может не дать желаемого результата. На наш взгляд, эффективная судебная реформа возможна лишь в контексте полномасштабной правовой реформы, рамки которой гораздо шире, чем реформирование системы отправления правосудия.

Как справедливо отмечает В.П. Мозолин, правовая реформа в российском контексте на современном этапе – это «трансформация правовой системы, функционировавшей в условиях административно-командной экономики в Советском Союзе, в правовую систему общества с рыночной экономикой, создаваемую в современной России, проводимая при непосредственном участии государства, находящегося в стадии преобразования в правовое государство» [2]. Важно подчеркнуть неразрывную связь правовой системы с экономическим развитием страны, которым в большинстве случаев обусловлена правовая реформа. При этом данный тезис справедлив не только в отношении России.

Исследователь Р.А. Рябцев говорит о правовой реформе как о «целенаправленном изменении как законодательства, так и правосознания, осуществляемом государством правотворчестве, учитывающем состояние правосознания граждан и предусматривающем перспективы реализации создаваемых правовых норм» [3]. Таким образом, по мнению исследователя, изменение правосознания граждан является неотъемлемой частью правовой реформы.

Ученый В.Д. Горобец в своем диссертационном исследовании выдвинул тезис о том, что правовая реформа имеет целью обеспечение «господства права во всех сферах общественной

жизни, повышение уровня правовой культуры населения, существенное улучшение действующего законодательства, реформирование деятельности всей системы судебных органов, а также органов прокуратуры, внутренних дел» [4]. Акцент на «улучшении», а не простом «изменении» существующей правовой системы как результате правовой реформы делает и профессор Г.В. Мальцев: «Все реформационные преобразования без исключения оправданы в той мере, в какой они изменяют положение дел к лучшему, то есть заменяют плохое хорошим, а хорошее отличным; причем позитивные итоги реформы должны быть очевидными для большинства людей и проявляться достаточно быстро». По мнению Г.В. Мальцева, невозможно называть реформами те изменения, которые «оборачиваются для общества или хотя бы для какой-то части людей ухудшением, упадком, кризисом» [5]. В целом же профессор Г.В. Мальцев определяет правовую реформу как «комплекс целенаправленных преобразований, посредством которых праву и правовой системе придаются новые существенные качества либо старая система постепенно (по частям) заменяется новой» [6]. Данное определение правовой реформы делает акцент на целенаправленности изменений.

Таким образом, «залатывание» дыр в законодательстве и принятие мер по временному решению локальных проблем правовой системы нельзя называть «правовой реформой». Реформа – это комплексный подход к решению поставленных стратегических целей и задач.

Как справедливо отмечает О.Ю. Рыбаков, в отношении прав и свобод человека (но этот тезис можно экстраполировать на правовую систему в целом) «должна проводиться определенная политика, которая бы увязывала в единую систему существующие проблемы и, что самое главное, указывала бы пути их решения» [7].

Исследователем О.А. Пучковым правовая реформа рассматривается как разновидность глобального социального проекта, как процесс, для которого «характерен переход правовой системы в новое качественное состояние, осуществляемое при помощи нововведений (в правовом регулировании, в юридической нормативной базе, в применении права и т. д.)» [8].

О глобальности процесса правовой реформы говорит и председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин: «Правовая реформа должна рассматриваться как составная часть реформаторского процесса в стране, так как она имеет важное значение, с одной стороны, для стимулирования и легитимации всестороннего развития, а с другой – для поддержания равновесия в государстве и обществе» [9].

Профессор А.А. Дорская также подчеркивает, что «правовая реформа не сводится к реформе законодательства, это более глобальное явление, оказывающее воздействие на все правовое поле и действующих в нем участников» [10].

Таким образом, обобщая и суммируя мнения ученых и практиков по вопросу содержания понятия «правовая реформа» сформулируем частный вывод: это глобальный процесс, имеющий исторические и социально-экономические предпосылки и нацеленный на качественное улучшение существующей правовой системы (в том числе законодательной базы, системы отправления правосудия), а также изменение правового сознания граждан.

Рассмотрим далее особенности проводимой в настоящее время в России правовой реформы.

В 2009 г. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства была одобрена Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее – «**Концепция**»). С 1994 г., когда была принята часть первая Гражданского кодекса РФ (далее – «**ГК РФ**»), определившая предмет и принципы гражданского права и установившая общие и наиболее важные правила гражданско-правового регулирования, Россия прошла непростой путь, который был связан в первую очередь с концептуальным перестроением многих сфер жизни общества, в том числе с построением рыночной экономики и «вписыванием» ее в мировой контекст рыночных отношений.

Концепция предусматривает, в частности, внесение в ГК РФ двух принципиальных изменений системного характера:

1) включения в круг отношений, регулируемых гражданским законодательством (ст. 2 ГК РФ), корпоративных отношений, под которыми в Концепции понимается «группа интенсивно развивающихся отношений по созданию юридических лиц корпоративного типа, участию в них и связанные с таким участием обязательства» [11];

2) создания комплекса взаимосвязанных институтов вещного права, имеющих своей основой право собственности и объединенных развернутой системой общих норм вещного права.

Таким образом, законодателем взят курс на расширение предмета гражданско-правового регулирования за счет включения в него отношений, которые ранее в него не входили. Вместе с тем целесообразность такого расширения вызывает вопросы.

Как отмечает В.П. Мозолин, при реформировании гражданского законодательства России следует принимать во внимание опыт других стран с кодифицированной системой права (например, Германии и Франции). В указанных странах за пределами гражданских кодексов развивается

так называемое «комплексное законодательство». Сами же гражданские кодексы подвергаются изменениям и дополнениям лишь в той мере, в которой развитие комплексного законодательства требует одновременной модификации норм и институтов строго цивилистического характера [12]. Под «комплексным законодательством» В.П. Мозолин понимает объединенные единством задач, которые нужно решать, и применяемые параллельно друг с другом в составе единого «комплекса» отрасли законодательства (гражданское, налоговое, административное и другие), которые вместе с тем не утрачивают своей отраслевой индивидуальности. При этом В.П. Мозолин подчеркивает, что «сама по себе норма права ... не может быть комплексной, ... в комплексных объединениях по своей юридической природе она остается гражданско-правовой, налоговой, административной, уголовно-правовой и т. п., а не комплексной нормой права» [13].

Следует отметить: несмотря на то что в части структурного подхода к реформированию гражданского законодательства России законодатель принял решение не воспринимать опыт зарубежных стран с кодифицированной системой права, в содержательной части изменения в целом направлены на приведение гражданского законодательства в соответствие с современными реалиями, а также на сближение норм российского законодательства с законодательством европейских стран с развитыми системами права. Данный подход, безусловно, оправдан в условиях глобализации, однако рецепцию норм иностранного права нужно проводить осторожно. Как отмечает профессор Д.А. Пашенцев, заимствования способствуют развитию правовой системы, однако не все, а «только те, которые адаптированы к ней»: хорошо работающий в иных условиях заимствуемый механизм не сможет эффективно функционировать и достаточно быстро выродится и разрушится, если не будет адаптирован к условиям реципиента, не будет соответствовать существующему историческому опыту, экономическим, политическим, правовым условиям [14].

Если некоторые прямые заимствования из западного права очевидно пойдут на пользу и не представляют опасности, хотя все же потребуют дополнительных толкований и разъяснений по порядку их применения (например, введение принципа добросовестности «в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права» [15], возможность включения доверенности в договор или решение собрания и прочее), целый ряд уже принятых и ожидающих принятия изменений ставит перед правоприменителями большое количество вопросов.

В качестве примера может быть приведена новелла гражданского законодательства – институт безотзывной доверенности (ст. 188.1 ГК РФ), давно существующий в западных системах права. С одной стороны, выданная в соответствии с российским законодательством безотзывная доверенность не может быть отозвана (а) до окончания срока ее действия или (б) до наступления некоторого условия. С другой стороны, такая доверенность может быть отменена (законодатель намеренно использует другой глагол) после «прекращения обязательства, для исполнения или обеспечения исполнения которого она выдана, а также в любое время в случае злоупотребления представителем своими полномочиями, равно как и при возникновении обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что данное злоупотребление может произойти» [16]. Сама возможность «отмены» безотзывной доверенности, не говоря уже о широком поле для злоупотреблений правом такой отмены, на наш взгляд, входит в противоречие с самой концепцией «безотзывности» доверенности.

Другим примером может служить предложение ввести в российский гражданский оборот концепцию гарантий, заверений и обязательств возмещения убытков (аналог, существующий в английском праве – «representations, warranties and indemnities»). Гарантийные институты существуют в английском праве не один десяток лет, и за это время суды рассмотрели огромное количество дел, предметом которых были различные вопросы, связанные с гарантийными обязательствами и окружающими их обстоятельствами, которым судами была дана оценка, что позволило сделать данный институт эффективным, понятным и удобным в использовании. Так, предметом пристального внимания английских судов и рассмотрения в рамках большого количества дел были стандарты раскрытия информации продавцов против предоставляемых покупателю гарантий (то, что в предложенных изменениях в ГК РФ предполагается урегулировать в рамках одной статьи). Как заметил один из разработчиков проекта изменений к ГК РФ, профессор А.Л. Маковский, «неизвестно, как будет легче решать проблемы – при наличии специальных норм в ГК или их отсутствии. ... Нигде за рубежом вопросы заверений и гарантий не решаются жестко и прямолинейно в плане нормативного регулирования, как предлагается сейчас в ГК» [17].

В этой связи следует отметить, что существующие в российском праве институты (в том числе недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения и качество товара) в целом позволяют достигать тех целей, для которых в ГК РФ предлагается ввести концепцию обязательств возмещения убытков, однако суды в основном отказывают в удовлетворении требований по делам, связанным с куплей-продажей акций и долей в обществах с ограниченной ответственностью с использованием ст. 178 и ст. 475 ГК РФ.

Возвращаясь к вопросу о рецепции норм иностранного права, следует в целом отметить, что взаимовлияние правовых систем друг на друга неизбежно и в определенном смысле полезно. Однако, как справедливо отмечает В.П. Мозолин, рецепцию необходимо проводить по принципам, «аналогичным ст. 14 АПК РФ, а именно устанавливать содержание доктрин и концепций,

лежащих в основе заимствуемых институтов гражданского права, а также анализировать правоприменительную судебную практику» [18]. Лишь при этом условии возможна истинная рецепция норм и институтов права, а не «трансплантация» норм из иностранного правового порядка [19].

Представляется ошибочным закрывать глаза на тот факт, что процесс заимствования норм и принципов иностранного права активно идет на протяжении уже нескольких лет (особенно это заметно в сфере корпоративного права). Данный процесс необходимо координировать, направлять и обеспечивать ему поддержку последовательной судебной практикой, которая бы расшифровала нормы и принципы иностранного права применительно к российским реалиям для правоприменителей. Кроме того, следует организовать работу по повышению роли российских судебных решений, с тем чтобы со временем судебный прецедент стал источником права в России по аналогии со странами прецедентного права, где, как пишет профессор Д.А. Пашенцев, суд имеет «традиционно высокий авторитет» [20].

В этой связи нам близка мысль В.Д. Зорькина о том, что без построения концепции развития, рецепции и координации законодательства в целом процесс его развития может проявлять черты неорганизованности, что будет препятствовать успешному осуществлению правовой, а значит, и экономической реформы [21].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что продолжающаяся уже почти 20 лет правовая реформа в России в настоящее время вступила в свою наиболее активную фазу позитивных изменений: интенсивно ведется работа по изменению действующего законодательства, реформируется судебная система, ведется работа по совершенствованию системы юридического образования, а также регулированию рынка предоставления юридических услуг. Несмотря на существующие мнения о пагубности процесса заимствования институтов иностранного права, этот процесс представляется неизбежным ввиду глобализации мировой экономики, интеграции России в международное торговое пространство и прочих факторов. В связи с этим представляется, что процессу обсуждения изменений в законодательство следует придать больше конструктивности и координации. К обсуждению предлагаемых изменений следует привлекать юристов-практиков, а также экспертов в области иностранного права, институты которого предполагается имплементировать в российское гражданское законодательство с целью минимизации количества потенциальных пробелов, неточностей и неоднозначных трактовок.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности»), проект № 14-03-00172.
2. Мозолин В.П. Правовая Реформа в России: восемь лет спустя : сб. ст. М., 2013. С. 45.
3. Рябцев Р.А. Современная правовая реформа в России и правосудие (теоретико-правовые проблемы правосознания граждан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 9.
4. Горобец В.Д. Правовая реформа в Российской Федерации: состояние и перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 3.
5. Мальцев Г.В. Конституция и правовая реформа в Российской Федерации // Правовые реформы в России: теория и практика осуществления: материалы науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 9 окт. 2003 г.) / отв. ред. Г.В. Мальцев, Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д., 2004. С. 6.
6. Там же. С. 5.
7. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб., 2004. С. 21.
8. Пучков О.А. Методологические аспекты правовой реформы в России // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия: Экономика и право. 2012. Вып. 4. С. 140.
9. Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе в России // Законодательство и экономика. М., 2004.
10. Дорская А.А. Правовые реформы в России: проблемы классификации // Вопросы правоведения. № 3. 2013. С. 149.
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.). Введение. Ст. 5.
12. Мозолин В.П. Указ. соч. С. 39.
13. Мозолин В.П. Роль гражданского законодательства в регулировании комплексных имущественных отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=236> (дата обращения: 22.07.2014).
14. Пашенцев Д.А. Влияние рецепции на генезис правовой системы России // История государства и права. 2009. № 7. С. 43.
15. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.). Введение. Ст. 6.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), принятый Федеральным законом от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 188.1.
17. Выступление профессора Маковского А.Л. на семинаре в Высшем арбитражном суде РФ «Заверения, гарантии, индемнити и аналогичные институты в английском, германском, французском и российском праве» 18 февраля 2013 г.
18. Мозолин В.П. Правовая Реформа в России: восемь лет спустя. С. 18.
19. О юридической трансплантации см.: Pierre Legrand. The Impossibility of «Legal Transplants» [Пьер Легран. Невозможность «трансплантации права»] // Maastricht. Journal of European Comparative Law. 1997. № 4. P. 111–124.
20. Пашенцев Д.А. Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. 2011. № 4. С. 80.
21. Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе в России // Законодательство и экономика. М., 2004.

References and notes:

1. The study was sponsored by the RFH project research ("Legal Reform in Russia: typology, the logic of the development of performance criteria"), the project № 14-03-00172.
2. Mozolin, VP 2013, *Legal Reform in Russia: eight years later*, Moscow, p. 45.
3. Ryabtsev, RA 2005, *Current legal reform in Russia and justice (theoretical and legal issues of justice of citizens)*, PhD thesis abstract, Rostov-on-Don, p. 9.
4. Gorobets, VD 1992, *Legal Reform in the Russian Federation: Status and Prospects*, PhD thesis abstract, Moscow, p. 3.
5. Maltsev, GV 2004, 'The constitution and legal reform in the Russian Federation', *Legal Reform in Russia: theory and practice of implementation: scientific-practical materials. conf. (Rostov-on-Don, October 9. 2003)*, Rostov-on-Don, p. 6.
6. Maltsev, GV 2004, 'The constitution and legal reform in the Russian Federation', *Legal Reform in Russia: theory and practice of implementation: scientific-practical materials. conf. (Rostov-on-Don, October 9. 2003)*, Rostov-on-Don, p. 5.
7. Rybakov, OY 2004, *Russian legal policy in the sphere of protection of the rights and freedoms of the individual*, St. Petersburg, p. 21.
8. Puchkov, OA 2012, 'Methodological aspects of legal reform in Russia', *Herald of Udmurt Univ. Series: Economics and Law*, issue 4, p. 140.
9. Zorkin, VD 2004, 'Theses on legal reform in Russia', *Law and Economics*, Moscow.
10. Dorskaya, AA 2013, 'Legal reform in Russia: problems of classification', *Questions of Law*, no. 3, p. 149.
11. *The concept of development of the civil legislation of the Russian Federation (approved by the Presidential Council on codification and improvement of civil law October 7, 2009)* 2009, Introduction, art. 5.
12. Mozolin, VP 2013, *Legal Reform in Russia: eight years later*, Moscow, p. 39.
13. Mozolin, VP 2014, *The role of civil law in the regulation of complex property relations*, retrieved 22 July 2014, <<http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=236>>.
14. Pashentsev, DA 2009, 'The influence of the reception on the genesis of the Russian legal system', *History of State and Law*, no. 7, p. 43.
15. *The concept of development of the civil legislation of the Russian Federation (approved by the Presidential Council on codification and improvement of civil law October 7, 2009)* 2009, Introduction, art. 5.
16. *The Civil Code of the Russian Federation (Part I), adopted by the Federal Law of 30.11.1994 № 51-FZ 1994*, art. 188.1.
17. Speech by Professor Makovsky AL at a seminar in the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation "representations, warranties, indemnity and similar institutions in the English, German, French and Russian law," February 18, 2013.
18. Mozolin, VP 2013, *Legal Reform in Russia: eight years later*, Moscow, p. 18.
19. On legal transplants see: Pierre Legrand 1997, 'The Impossibility of «Legal Transplants»', *Maastricht. Journal of European Comparative Law*, no. 4, p. 111-124.
20. Pashentsev, DA 2011, 'Judicial precedent as a source of law in the legal system of Russia', *Modern law*, no. 4, p. 80.
21. Zorkin, VD 2004, 'Theses on legal reform in Russia', *Law and Economics*, Moscow.